ИСТОРИЯ

АГАПОВ Вадим Львович

канд. ист. наук, доцент департамента коммуникаций и медиа Школы гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Электронная почта: agapov_vl@mail.ru

Первая мировая война и печать. Часть 1: Опыт Англии, Германии, Франции и Европейской России

УДК 94(100)«1914/19»

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-1/6-20

*Первая мировая война,
Англия,
Германия,
Россия,
Франция,
интеллигенция,
пропаганда,
периодическая печать*

В статье использованы российские журналы периода войны, воспоминания и дневники современников и участников войны, исследования российских и зарубежных авторов. Основное внимание обращается на несоответствие реальных событий войны с формировавшимся в периодической печати её идеализированным образом. Делается вывод, что одна из причин этого, помимо военной цензуры, кроется в тогдашних настроениях европейских и российских политических кругов и интеллигенции, связывавших с войной надежды на разрешение всех стоявших перед обществом проблем.

Первая мировая война 1914–1918 гг., которую современники называли «Великой войной», – была крупнейшей из войн, которые на тот момент знало человечество. По одному из приблизительных подсчётов, её стоимость более чем в 11 раз превышала стоимость всех войн за 120 предшествовавших лет (1793–1913 гг.) [21, с. 448]. По данным «Энциклопедии Британника», в 16 воюющих странах (включая США и Японию) было призвано в ряды вооружённых сил 65 млн. чел., в том числе в России 12 млн. чел. Потери составили убитыми и умершими 8,5 млн. чел., ранеными 21 млн. [45, р. 775] Эти цифры не точны, поскольку, по данным российских исследователей, на самом деле в Российской империи до 1 мая 1917 г. было призвано не 12, а более 15 млн. чел. [8, с. 96; 22, с. 85] Потери же страны в войне до сих пор окончательно не подсчитаны.

Война, начинавшаяся, как и войны до неё, столкновением правительств и армий, превратилась в борьбу целых вооружённых народов. Как пишет А. А. Свечин, участник и историк войны, «воинская повинность позволяла быстро пополнять немыслимые раньше потери в боях, но установила самую тесную зависимость боеспособности войск от настроения тыла... Значение тыла во время войны возросло в сильнейшей степени. Потреблённое армиями во время войны снабжение приблизилось к половине общей ценности всего национального капитала... Тылом армии становится всё государство... Борьба шла на срок – кто дольше выдержит» [34, с. 175].

Правительства прилагали огромные усилия для сплочения своих народов перед лицом внешнего врага. Как пишет американский историк Ф. Найтли, «история пропаганды насчитывает 2400 лет, со времён “Искусства войны” Сунь-Цзы, но

Для цитирования:

Агапов В. Н. Первая мировая война и печать. Часть 1: Опыт Англии, Германии, Франции и Европейской России // Известия Восточного института. 2019. № 1. С. 6–20. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-1/6-20

Первая мировая война впервые увидела её работающей в организованной, научной манере» [42, р. 81].

Цель статьи – показать формирование образа Первой мировой войны на её начальном этапе в периодической печати Англии, Германии, России и Франции, отношение к войне интеллигенции воюющих стран. Источниками послужили российские журналы («Вестник Европы» и «Русское богатство»), воспоминания современников и участников войны (Н. Н. и П. Н. Врангелей, А. И. Деникина, Т. Л. Сухотиной-Толстой и др.). Также были использованы исследования отечественных и зарубежных историков (А. Ф. Бережного, Г. В. Жиркова, Ф. Найтли, М. Хейстингса и др.), в которых затрагиваются вопросы развития печати, пропаганды, военной корреспонденции и общественных настроений периода войны.

Непосредственным поводом для начала Первой мировой войны стало убийство 15 (28) июня 1914 г. в столице Боснии Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. Покойный эрцгерцог не был популярен, и, как отмечали иностранные обозреватели, траур по нему в Вене получился «казённым и неискренним». Однако правительство Австро-Венгрии решило воспользоваться покушением, чтобы вторгнуться в Сербию [39, с. 28]. Выходу войны за пределы Балканского полуострова способствовало то, что, опасаясь столкновения с Россией, правительство Австро-Венгрии обратилось за помощью к союзной Германии [16, с. 67, 81]. Вмешательство Германии автоматически вовлекало в конфликт Францию и Англию, у которых был договор с Россией. Так что формально Первая мировая война была определена наличием союзов и соглашений между европейскими странами: Франция и Россия обязывались помочь друг другу, если на одну из них нападёт Германия [16, с. 67].

15 (28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Два дня спустя, 17 (30) июля, император Николай II объявил в России мобилизацию с 18 (31) июля. Войска на австрийской границе были приведены в готовность. Германия направила России ультиматум, требуя в 12-часовой срок отменить мобилизацию. Война приближалась ко всем границам. Генеральные штабы, стремясь опередить противников в развёртывании, громко требовали сигнала к выступлению. Как пишет Б. Такман, «придя в ужас при виде открывшейся бездны, государственные деятели... попытались отступить назад, но военные планы безжалостно толкали их всё дальше вперёд» [38, с. 120]. 1 (14) августа Германия объявила войну России. 3 (16) августа она объявила войну союзнице России Франции. 4 (17) августа войну Германии объявила Англия.

Начало войны вызвало подъём патриотических настроений в воюющих странах. В обращении к нации германский кайзер Вильгельм II «в состоянии воинственной экзальтации» произнёс: «Я больше не знаю никаких партий, я знаю только немцев!» [32, с. 536]. Большинство немцев искренне верили, что их родина окружена врагами. Философ Вильгельм Вундт в лекции «О законной войне» заявил, что Германия – страна, которая «подверглась нападению», и поэтому война для неё является «законной» и «оборонительной» [23]. Другой философ, Алоиз Риль, разглагольствовал в печати о том, что «мы живём ради единства и единство живёт в каждом из нас». В сентябре 1914 г. было подсчитано, что 43 из 69 немецких историков работают над статьями о войне. Одним из ярких примеров предательства научных интересов стал так называемый «Манифест не-

мецких интеллектуалов», подписанный в октябре 1914 г. девяносто тремя представителями германской интеллигенции [39, с. 430]. Германская пресса требовала переименования французских блюд в ресторанах. «Konfektionär», печатный орган изготовителей одежды, обрушился на испорченную «бедную идеями» французскую моду и призвал отечество к эмансипации от чужих влияний. Официозный «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» посвятил «немецкой моде» особую статью. Пресса прославляла императора Вильгельма II и звала народ к оружию. Газета «Post», орган железных и угольных королей, призывала: «Топчите врага! Рубите черепа на куски. Будьте безжалостны, как того требует час!» [20] «Neue Preußische Zeitung» употребила термин Burgfrieden (гражданский мир), означающий политическое перемирие между партиями. Корреспондент «Tägliche Rundschau» писал: «Германия переживает чудесное возрождение». Журналы постепенно заполнялись сплошными фотографиями и зарисовками солдат и вооружения. В газетах почти все новости вытеснили военные сводки – довольно туманные и надуманные [39, с. 131, 137]. «В Германии газеты только и писали о блестящих победах германского оружия, о сплошных поражениях противников. Судя по тому, что печаталось, можно было бояться, что в самом коротком времени немцы будут не только на берегах Сены, но и на берегах Невы» [16].

Во Франции с уст не сходила фраза «Родина в опасности!» Писатель Анатоль Франс обличал не только власть кайзера, но и немецкую культуру, историю и даже вино. Композитор Камиль Сен-Санс ополчился на Вагнера. Религиозная газета «Croix d'Isère» объявила войну очистительной, посланной Франции за грехи Третьей республики. Бытовало мнение, что война «очистит атмосферу, послужит обновлению и улучшению». Социалистическая газета «Le Droit du peuple» взяла на вооружение фразу «война за мир». Стремясь скрыть от общественности неудачи первых недель войны, власти запретили публикацию любых военных сведений без санкции правительства и военного командования, запретили критику правительства и военного командования и «статьи, призывающие к прекращению или приостановке военных действий». Главнокомандующий генерал Ж. Жоффр «распоряжался страной почти как военный диктатор». Газетные публикации на военную тему были настолько недостоверными, что солдаты скоро утратили доверие к официальной прессе, которой предпочитали окопные листки, которые сами сочиняли, и иногда попадавшие к ним швейцарские газеты. Ушедший в 1914 г. на фронт историк Луи Дебидур писал: «Нам всем невыносимо видеть высосанные из пальца статейки об окопах, смекалке наших солдат, общем энтузиазме, бодрости и веселье в войсках и живописном расположении траншей. Всё это выдумки чистой воды» [39, с. 130, 142, 429, 432].

Влиятельнейшая британская газета «The Times» призывала британцев постоять за правое дело, защитить слабых и закон от грубой силы. Епископ Лондонский объявил войну «величайшей в истории битвой за христианство... выбором между распятой ладонью и железным кулаком». Писатель Герберт Уэллс решил, что победа над Германией приведёт к продолжительному миру, и что война «покончит с войной». 54 выдающихся литераторов подписались под статьёй в «New York Times» «Знаменитые британские писатели в защиту участия Англии в войне». Лишь немногие смогли остаться на антивоен-

ных позициях, но значительной ценой. Писатель Бернард Шоу написал, что обе воюющие стороны должны расстрелять командование и разойтись по домам. Его произведения изъяли из библиотек и книжных магазинов. Бертран Рассел был уволен с должности преподавателя математики в Кембридже, лишён паспорта и даже провёл шесть месяцев в тюрьме за написание антивоенной статьи [42, р. 83].

Нуждаясь в поддержке нации, британское правительство ещё на ранней стадии осознало, что идеальная почва для набора пропагандистов была среди владельцев газет и редакторов. Они были озабочены оправданием войны и потому, что война была хорошим бизнесом. «Война не только создаёт новости, но и требует их», – писал один редактор [42, р. 84–85]. При этом газеты скрывали многие факты о войне. Победа немцев в Пограничном сражении, «которая уничтожила около 300 000 французских солдат или примерно 25 % боевого состава – скорость потерь, никогда не достигнутая в остальную часть войны на любом фронте – не удостоилась в Британии репортажа до самого конца войны». По мнению «The Times»: «Такое молчание было благоразумным... узнали бы в Англии, что Франция потеряла более четверти миллиона человек из своей постоянной армии в первый месяц войны, и британская решимость должна была бы серьёзно ослабнуть» [42, р. 92]. Из-за этого в тылу остро ощущалась нехватка новостей. В Париже Андре Жид скупал по 9 газет в день, Марсель Пруст – 7. Во всех них не было ничего нового [39, с. 294]. «В отсутствие фронтовых очерков обозревателям оставалось довольствоваться слухами и домыслами. Редакторы принялись публиковать письма солдат к родным и близким, которые передавали в газету матери и жёны, восхищённые подвигами своих героев. Вскоре выяснилось, что многие из этих рассказов оказались сильно приукрашенными или попросту вымыслом чистой воды» [39, с. 302]. В мировой прессе в 1914 г. царил «разгул вымысла и нелепых слухов».

В результате «многие газеты охотно муссировали слухи о слабостях противника, упадке боевого духа и перебоях с питанием», в результате которых ему останется только сдаться [39, с. 431]. В 1915 г. на западный фронт были допущены первые военные корреспонденты. Они жили поблизости от расположения генеральных штабов. Офицеры по связям с прессой контролировали все их передвижения так, что они не могли сами выбирать, куда ехать. Люди с фронта никогда не имели желания рассказывать, на что он похож, а, встречая корреспондента, хотели поговорить с ним о доме, о мире, но не о траншеях. Даже если корреспонденту удавалось узнать частичку правды о войне, отправка таких сообщений домой не поощрялась, наоборот, о таком следовало молчать [43, р. 228]. Помимо этого, мало кто из журналистов, которым поручалось писать о войне, разбирался в военном деле. Поэтому из их депеш «можно было вынести живое впечатление, что полковые офицеры и солдаты ничем не наслаждаются так, как атакой, что битва для них грубый весёлый пикник, что их единственный страх – как бы война не закончилась на этой стороне Рейна» [42, р. 99]. Неудивительно, что, читая это в газетах, британские солдаты, как и французские, потеряли доверие к своей прессе. Владельцам же газет сотрудничество с властью в распространении пропаганды дало в вознаграждение положение в обществе и политическую власть [42, р. 81].

Но чем дольше шла война, тем больше усилий приходилось прилагать прессе, чтобы поддержать дух своих наций. Венские газеты пестрели словом *Durchhalten* («продержаться»), хотя всё больше людей задавалось вопросом, доколе им предстоит «держаться» [39, с. 433]. Берлинская «*Vossische Zeitung*», пытаясь поддержать слабеющие военно-патриотические чувства, писала: у немецкого народа есть все основания для победы. Британия и Франция ставили целью уничтожить «прусский милитаризм» – лишить Германию промышленных и военных мощностей, которые позволили бы ей начать новую войну. Война для немцев приобрела экзистенциальный характер. Немцы догадывались, что поражение чревато уничтожением страны. С уст не сходила фраза «*sein oder nichtsein*» – «быть или не быть» [39, с. 525–527]. Англия и Франция стремились утвердиться в своём моральном превосходстве над Германией и распространяли истории о «зверствах немцев» в Бельгии и Франции. Они представляли собой часть спланированной в целях пропаганды кампании по демонизации противника и фабриковались французским Бюро де ла Пресс, получавшим финансирование из фондов спецслужб [42, р. 83]. Эти истории были проглочены жаждущей сенсаций частной прессой, которая и сама зачастую кое-что к ним добавляла [42, р. 106–107]. Но это сыграло свою роль только в начале войны, потому что в конце им уже мало кто верил.

Таким образом, в европейских странах в оправдании войны приняли участие крупные интеллектуальные силы. Учёные и писатели писали статьи и читали лекции в защиту участия в ней своих стран. Но самая большая роль принадлежала прессе. Она объясняла причины войны, создавала образ врага, описывала ход войны, формируя общественное мнение о войне. Поэтому Г. В. Жирков назвал Первую мировую войну «первой мировой информационной войной» [11]. Однако газеты и журналы нельзя считать достоверным источником. Их возможности по освещению событий значительно сузили как цензура, так и экономические и политические интересы крупных издателей и редакторов, получавших значительные выгоды от поддержки усилий своих правительств. В результате война в прессе выглядела сильно приукрашенной, а правдивую информацию заменяли слухи и домыслы. Следует отметить, что европейская печать до конца осталась на проправительственной позиции. Это подорвало доверие к ней сначала у воевавших ветеранов, а потом и у остальной части общества.

Общественные настроения в России в самом начале войны развивались в том же направлении, что и в Европе. Уже манифест императора Николая II от 19 июля (1 августа) 1914 г. содержал призыв «забыть внутренние распри» и «укрепить ещё теснее единение Царя с Его народом». Он был поддержан Правительством, партийной оппозицией и Государственной Думой. Газета прогрессистов «Утро России» призывала отказаться обсуждать «домашние» и внешние вопросы, «сейчас в России нет национальностей», нет «ни правых, ни левых, ни правительства, ни общества, а есть один-единственный русский народ». Редакция «Голоса Москвы» восклицала, что, «конечно, в эту минуту у нас уже нет ни партий, ни внутренних раздоров» [12, с. 308–310]. Лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милюков с трибуны Государственной Думы заявил: «В этой борьбе мы все заод-

но». Эта позиция всецело разделялась представителями практически всех направлений и течений в русском либерализме [30, с. 24, 409].

Публицисты пытались называть войну второй Отечественной и Великой. По мнению В. И. Ленина (работа «Социализм и война»), «русский либерализм выродился в национал-либерализм» и «состязается в “патриотизме” с чёрной сотней, всегда с охотой голосует за милитаризм, маринизм и т. п.» [19, с. 329–331]. В результате русская легальная печать была превращена в мощное оружие правительства и командования. Всё её содержание было подчинено разъяснению целей и задач войны. Она призывала отдать всё «за Веру, Царя и Отечество» и не останавливалась даже перед самыми низкими методами опорочивания противников России, хотя те вели себя подобным же образом. Как писал о пропаганде начального периода войны М. Горький, «никогда ещё словоблудие на Руси не разливалось столь широким потоком, как... в начале войны», и «громче всех кричали жулики» [3, с. 30–31].

Как отмечает И. С. Розенталь, в момент объявления войны наблюдался единовременный взрыв национального чувства. На короткий срок в стране сложилась «единодушная или плюралистическая совокупность позиций и оценочных суждений, когда оппозиционно до того настроенная легальная пресса отказалась от критики правительства во имя национального единства [33, с. 404]. Однако В. П. Булдаков делает наблюдение, что в то время как официальная пропаганда (по аналогии с русско-турецкой войной) предлагала народам России защитить «братьев-славян», а заодно выполнить освободительную миссию по отношению к прочим «угнетённым» народам, либеральная пресса говорила о «борьбе права с произволом» (где «право» представляла Антанта, а «произвол» – немцы, «тевтоны»). То есть правительство и общественность заговорили на «разных языках» [4, с. 18–19]. Это сыграло свою роль впоследствии, когда под влиянием военных неудач возобновился возникший до войны конфликт между правительством и оппозицией.

На официальном же уровне ни о какой «борьбе с милитаризмом» речь не шла. Церковная пресса («епархиальные ведомости») убеждала, что война ведётся против протестантизма, католицизма, мусульманства, баптизма и пр. ересей [5], и что в этой последней схватке славянства с «германством» русская культура избавится от влияния «европеизма» и окончательно определится славянская самобытность [40].

Печать крупной российской буржуазии (октябристов и прогрессистов) выступала с крайних шовинистических позиций, пыталась представить войну как столкновение двух рас, двух культур: славянской и германской, – отдавая все преимущества славянской, и сдвигала всё это религиозно-мистической проповедью [3, с. 77–78]. Печать конституционных демократов (газета «Речь», журнал «Русская мысль» и др.) полностью поддерживала внешнеполитический курс правительства и обосновывала необходимость захвата турецких проливов и Балкан. Кадеты пытались представить войну как борьбу за демократические свободы и борьбу с милитаризмом за мир во всём мире, чтобы войн не было в будущем [3, с. 90–91]. Однако, как пишут В. А. Шелохаев и К. А. Соловьёв, русские либералы на самом деле не очень верили в «вечный мир» и считали, что мир временный требовал

выгодного России решения вопроса о переделе границ в Европе [41]. Лидер конституционных демократов П. Н. Милуков, особенно часто выступавший со статьями и лекциями на эту тему (программными были две из его статей: «Нейтрализация» Дарданелл и Босфора» и «Территориальные приобретения России»), получил ироничное прозвище «Дарданелльский».

По мнению авторов петербургского либерального журнала «Вестник Европы», Россия находится в «великом лагере культурных наций, борющихся за мир на основе права» [13], победа будет означать торжество мира и демократии в Европе [2], с началом войны повсеместно наблюдается «всеобщее одушевление», «радостное возбуждение» [10], с первыми выстрелами в России не стало классовой, национальной и партийной розни, рухнула стена между обществом и властью» [17]. Союзу Германии и Австрии в «Иностранном обозрении» «Вестника Европы» противопоставлялся якобы оборонительный союз России «с такими передовыми нациями, как французы и англичане». По мнению авторов журнала, он открывал России «путь к лучшему будущему, не только в международных отношениях, но и в условиях своей внутренней жизни» [14]. То есть они надеялись, что в союзе с наиболее конституционными демократическими странами Россия тоже сможет стать конституционной и демократической.

Шовинизм был характерен и для российской интеллигенции, которая заявляла о полной поддержке курса правительства на освобождение народов мира от «тевтонского варварства», на единение всех внутренних сил страны [12, с. 310–311]. Столичные мыслители Н. А. Бердяев, А. С. Изгоев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, И. А. Ильин, Е. Н. Трубецкой и др. говорили о пробуждении «дремлющих сил», «оздоровлении» духовной атмосферы, переустройстве политической и социальной жизни, «обновлении и возрождении русского характера», о том, что Россия должна возглавить культурное человечество, освободить Европу от «плесени мещанства» и пробудить в ней рыцарский средневековый дух [30, с. 9–16].

Как отмечает В. П. Булдаков, этот патриотизм интеллигенции был большей частью умозрительным [4, с. 20–21]. Однако многие писатели и поэты добровольно ушли на фронт в качестве солдат, офицеров и военных корреспондентов [3, с. 31–32].

Причину военного энтузиазма, охватившего интеллигенцию во время войны, авторы либерального журнала «Вестник Европы» в 1916 г. пытались объяснить так: «Люди забыли о ничтожном, мелком, личном. Над всеми и над всем вырос во всём величии своего необъятного роста интерес народа, страны, истории и человечности, поднявшейся на защиту святых завоеваний мировой культуры» [18]. «Для многих из нас – для большинства – сама война была праздником... Мы не хотели войны... Но война принесла с собой огонь, который легко проник в наши души, слишком охладевшие, покрытые серой плесенью обыденности. И мы, запертые в своём кабинете, в своём узком кружке, в своей конторе или редакции – с удивлением и почти восторгом ощутили в своих мускулах какую-то новую упругость, и новые яркие мысли в усталом мозгу, и новые желания в давно успокоившемся сердце... Все чувствовали себя в праздничном платье» [26].

Однако на фронте военные корреспонденты, представлявшие только самые влиятельные московские и Санкт-Петербургские газеты,

были лишены возможности непосредственно общаться с солдатами и офицерами, бывать на передовой и поэтому ограничивались лишь пространными рассуждениями о войне. Сведения, которые им давали для публикации высокопоставленные военачальники, содержали мало правды [3, с. 22].

Поскольку правительство России (как и других воюющих стран) не было заинтересовано в независимом освещении хода военных действий и ввело жёсткую цензуру в прифронтовой полосе (согласно «Временному положению о военной цензуре» от 20 июля 1914 г. её осуществляли штабы командующих армиями, флота и военными округами), корреспондентам приходилось ограничиваться пересказом официальных сводок. В результате война на страницах журнала в 1914 г. выглядела как череда побед России («австрийская армия совершенно разбита») и её союзников («господство на морях неизменно остается в руках Великобритании...»). Поражения назывались «прискорбными событиями», а отступления преподносились как успешно осуществленные стратегические маневры. Получалось нечто вроде этого: «Французские и британские войска, непрерывно нанося противнику жестокие удары, постепенно систематически втягивали германские силы внутрь страны и ставили этим в опасное положение, которое может окончиться для них катастрофой»; они «имели ряд жарких сражений, в которых они нанесли неприятелю гораздо более тяжёлые потери, чем те, которые были им причинены; их боевая сила остаётся неизменной» [25]. Таким образом, описание военных действий в российской прессе получалось не более достоверным, чем в газетах и журналах Англии, Франции и Германии. Это становится очевидным, если посмотреть на то, что на самом деле происходило на фронтах войны.

Война началась на трёх фронтах: Западном (в Бельгии и во Франции), Восточном (в Восточной Пруссии, русской Польше и австрийской Галиции) и на Балканах (в Сербии). После вступления в войну Османской империи театр военных действий распространился на Кавказ и Ближний Восток. Общий ход войны можно описать так. В 1914 г. основной удар Германии был направлен на Францию. Германские армии одержали победу в Пограничном сражении, где с 7 (20) по 10 (23) августа погибло 40 000 французских солдат [39, с. 212], но потерпели поражение в битве на Марне 25–30 августа (7–12 сентября), в которой с обеих сторон было убито и ранено и пропало без вести более чем по 250 000 чел., немцы отступили от Парижа. От Северного моря до швейцарской границы возник стабильный позиционный фронт, на котором враждующие армии простояли друг против друга до 1918 г. На Восточном фронте в 1914 г. российские армии были разбиты германцами в Восточно-Прусской операции 4 (17) августа – 2 (15) сентября, но одновременно одержали победу над австро-венграми в Галицийской битве 5 (18) августа – 13 (26) сентября. В последней участвовало с обеих сторон свыше 2 млн. чел. Австро-венгры потеряли в ней 400 000 чел., из них 100 000 пленных (до 45 % от состава частей, вступивших в Галицийскую битву). Потери русских достигали 230 000 [1, с. 135; 16, с. 200; 27, с. 47]. Была оккупирована австрийская Галиция. Дальнейшее наступление вглубь Венгрии было остановлено в Карпатских горах, и война, как и на Западном фронте, приняла позиционный характер.

Быстрой победы никому достигнуть не удалось. По мнению историка М. Хейстингса, в начале XX в. технологии связи и транспорта не поспевали за стремительным ростом убойной мощи вооружения, и быстрая победа была в принципе невозможна, пока средствами передвижения для армий служили ноги пехотинцев и копыта лошадей [39, с. 310].

Во фронтовых тылах царила обстановка «Дантова ада». «Скрипящие качающиеся телеги, запряжённые заезженными лошадьми, везли с полей боя в тыл измученных, зачастую находящихся при смерти людей, растянувшихся на окровавленной соломе» [39, с. 399]. Все лазареты были переполнены, медицинского персонала и перевязочных средств не хватало, «целые толпы полузамёрзших раненых даже не могут найти себе пристанища, так как никто и не подумает развесить плакаты с названием лазаретов и их местонахождением» [6, с. 82–88]. Раненые, которых удалось погрузить в санитарные поезда и отправить в глубокий тыл, часами томились на носилках, расставленных по вокзалам, поскольку никто не знал, куда их отправить. «Месяц за месяцем в медицинские учреждения всех воюющих стран... будут непрерывным потоком поступать сотни тысяч искалеченных и увечных. Многие... умирали, так и не дождавшись помощи» [39, с. 201]. Как пишет М. Хейстингс, «к концу 1914 года лишь единицы из участников войны по-прежнему считали её делом интересным и благородным – она превратилась в отвратительное бремя, которое каждый нёс в меру своей стойкости. На Восточном фронте большинство австрийских и российских солдат рады были бы принять мир на любых условиях, но их правители считали по-другому» [39, с. 543]. Русский офицер ротный командир Бакулин записал в дневнике: «Невозможно людей так долго держать в окопах, это преступно... Люди в окопах так устают физически и нравственно, так их заедает вошь, что нет ничего удивительного, что они, доведённые до отчаяния, сдаются в плен целым батальоном» [33, с. 407].

Пытаясь прорваться на равнины Венгрии, в ходе Карпатской операции зимы 1914/1915 гг. российская армия потеряла убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными около 1 млн. чел., австро-венгры лишились до 900 000. К апрелю 1915 г. российская сторона не имела подготовленных пополнений и боеприпасов. В создавшихся условиях взаимного пата перевес получал тот, кто имел возможность создать ударный кулак из тех войск, которые не были донельзя измотаны в зимней кампании. Если у русских и австрийцев таких войск не было, то немцы смогли перебросить на восток те дивизии, что всю зиму отдыхали в окопах во Франции [29, с. 43]. 19 апреля (2 мая) 1915 г. германская армия прорвала российский фронт на линии Горлице – Тарнов, после чего российские войска были вытеснены из Галиции. Участник боёв А. И. Деникин вспоминал, как его войска вели тяжёлые кровопролитные бои без патронов и снарядов, отбивая атаки штыками, положение было поистине трагическим [9, с. 130–131]. Наступление германской армии продолжалось в течение мая, июня, июля и августа. Российскими войсками были оставлены Польша и Литва. Потери армии достигали от 1 до 2 млн. чел., вдвое больше потерь противника. Но германские войска также были сильно измотаны, их продвижение замедлялось, и «когда русская армия в конце августа была приведена в полное расстройство, и наступатель-

ная сила наших врагов упала до минимума» [34, с. 94–105]. Согласно воспоминаниям очевидца, российская армия находилась в «безоружном и бездейственном состоянии». Не хватало артиллерийских орудий, пулемётов, патронов, боеприпасов к ним, боевой дух войск был крайне низким. Потери войск достигали чудовищной цифры. С начала войны до конца 1915 г. российская армия потеряла в общем 4,36 млн. чел., в том числе 1,74 млн. пленными [28, с. 187, 190].

Крупнейшие сражения 1916 г. произошли под Верденом, в Галиции и на Сомме. Не сумев добиться решительной победы над Россией, германское командование перенесло усилия во Францию, начав наступление на крепость Верден 8 (21) февраля – 10 (23) июня 1916 г. За это время в зоне наступления было выпущено около 20 млн. снарядов. «Очертания ландшафта постоянно изменялись. Леса превратились в груды щепок, деревни были стёрты с лица земли». Потрясают масштабы человеческих жертв. «К концу июня с каждой стороны свыше 200 тысяч человек было убито и ранено» [16, с. 360–361]. В прессе сообщались ещё большие цифры. Т. Л. Сухотина-Толстая, дочь великого пацифиста Л. Н. Толстого, 21 марта (3 апреля) 1916 г. записала в дневнике: «У Вердена за 21 день убито 200 000 германцев. А сколько французов?! Чудовищно! А говорить, что это безумие, – считается преступлением. Совсем испарилось то настроение, которое было при начале войны. Все, кто был обязан и кто не был обязан, бросились воевать, крича, что мы воюем за разоружение и вечный мир. Теперь никто уже этого не говорит. Все готовятся к тому, чтобы после войны вооружиться так, как никогда до сих пор. В Туле вся Томилинская улица сносится, потому что на этом месте будет строиться грандиозный оружейный завод. На него ассигновано 43 миллиона народных денег» [36, с. 480–481].

До 5 (18) декабря 1916 г., когда операция закончилась оттеснением немцев на рубежи, с которых они начинали наступление, в сражении было убито, ранено и пропало без вести 378 000 французов и 337 000 немцев, всего свыше 700 000 чел. Более 300 000 из этого числа составляли убитые. «Для обеих армий Верден стал местом ужаса и смерти, где не могла быть достигнута победа» [16, с. 361]. В историю Первой мировой войны это сражение вошло под названием «Верденская мясорубка». На самом деле с полным основанием так же могли называться и другие операции войны. Так, остановив наступление немцев на Верден, англичане и французы атаковали их на реке Сомма. Однако сражение 18 июня (1 июля) – 5 (18) ноября 1916 г. закончилось после пяти месяцев без определённого стратегического результата. В нём были убиты, ранены и пропали без вести 204 тыс. французских солдат, 419 тыс. британских и от 500 до 600 тыс. германских, всего свыше 1 млн. чел. [44, р. 53].

22 мая (4 июня) 1916 г. российская императорская армия начала своё последнее крупное наступление, когда Юго-Западный фронт генерала А. А. Брусилова атаковал австро-венгров. Сначала он нанёс им полное поражение, захватив много пленных и трофеев. Однако с помощью германских войск противнику удалось остановить наступление русских, которые продвинулись на 80–120 км. За следующие семь месяцев (до конца года) австро-германцы потеряли в полосе наступления русского Юго-Западного фронта 790 000 чел. Тактический успех генерала А. А. Брусилова был достигнут ценой больших по-

терь. Армии Юго-Западного фронта лишились почти 1,5 млн. чел. [24, с. 41, 45] После тяжёлой кампании 1915 года этот урон был особенно ощутим, и понесённые в ходе наступления жертвы оказались невосполнимыми. Российская армия получила удар, от которого она уже больше не смогла оправиться. Общество было разочаровано результатами наступления, которое началось успешно и внушило много надежд, а закончилось тактическим тупиком – «Ковельской мясорубкой».

По воспоминаниям генерала П. Н. Врангеля, в это время армия «всё ещё представляла собой грозную силу», но старые кадры офицеров и солдат были почти выбиты двумя годами войны, «уровень подготовки пополнений в тылу, обучения их в запасных частях был весьма низким», все нравственные устои расшатались, нравы огрубели, чувство законности было в значительной мере утеряно [7, с. 3–4]. Другой генерал (тоже в будущем участник Гражданской войны и один из лидеров Белого движения) Г. М. Семёнов вспоминал: «К концу 1916 г. дезертирство из армии приняло такие размеры, что наша дивизия была снята с фронта и направлена в тыл для ловли дезертиров и охраны бессарабских железных дорог. Мы ловили на станции Узловая до тысячи человек в сутки». По его словам, этот «солдатский поток с фронта был настолько значителен», что его «нельзя было рассматривать иначе, как грозный признак грядущего развала армии» [35, с. 60].

В солдатских письмах с фронта всё чаще говорится о необходимости скорее закончить «это убийство несчастного люда»: «Господи, как хотелось бы мира», «уж слишком затянулось это грязное дело и, несмотря на то, что истекает три года, конца не видно», «неужели они лучше не придумали, как эту войну» [31, с. 9].

Сложность ситуации не осознавалась в полной мере в высших кругах российского общества. Крупнейший издатель И. Д. Сытин вспоминал: «Опытному глазу уже в середине этой кровавой бессмыслицы было видно, что добром это не кончится, что в народе растёт раздражение и что все государственные скрепы старой монархии расшатались и едва держатся» [37, с. 289–290].

Таким образом, в европейской и российской прессе периода Первой мировой войны можно обнаружить сходные тенденции. Отражая настроения политических кругов и интеллигенции, газеты и журналы писали о войне, что она является оборонительной, ведётся в защиту погранных прав, против милитаризма, за мир во всём мире и т.п. Участвуя в военной пропаганде, создании образа врага, они призывали к единению общества во имя победы, рассуждая о моральном оздоровлении общества и расцвете культуры после войны. О самой войне из-за цензуры в прессе публиковались лишь общие рассуждения, рисующие её в неправдоподобном свете. Но такая пропаганда могла работать только очень недолгое время. Для участников и очевидцев войны её ложь стала очевидна после первых же крупных сражений, когда они прочли в газетах совсем не то, что видели сами на поле боя. Для тех же, кто находился от войны далеко, ключевым фактором изменения их отношения к ней стал факт затягивания военных действий на неопределённое время, совпавший с развитием внутреннего кризиса в стране, что было особенно характерно для России.

Наиболее влиятельные газеты России выходили в С.-Петербурге («Биржевые ведомости», «Новое время») и в Москве («Русские ведомости», «Русское слово»). Из-за огромных расстояний в стране до провинции они доходили с опозданием, например, до Владивостока по Транссибирской железной дороге – с трёхнедельным, в то время как новости по телеграфу доставлялись в тот же день, на второй день – печатались в местных газетах, на третий – комментировались в редакторских передовых статьях. Сами публикации столичных газет становились известны на Дальнем Востоке именно в виде перепечаток и обзоров прессы, делавшихся местными газетами. Таким образом, дальневосточные издания и были для населения Приамурского края основным источником информации и средством формирования общественного мнения по проблемам Первой мировой войны и участия в ней России. Однако эти издания заслуживают отдельного рассмотрения.

Литература

1. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Том 1. 1914 год. Начало. – М.: Кучково поле, 2014. 640 с.
2. Арсеньев К. К. Исторические параллели // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 424–428.
3. Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны : монография. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1975. 152 с.
4. Булдаков В. П. Мировая война и деморализация «Святой Руси» 1914–1916 гг. // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны. – Владивосток, 2016. С. 18–31.
5. Букалова С. В. Православная печать о причинах Первой мировой войны (по материалам «Орловских епархиальных ведомостей») // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. – М., 2011. С. 345–348.
6. Врангель Н. Н. Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. – СПб. : Журнал «Нева», «Летний сад», 2001. 320 с.
7. Врангель П. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г. Т. 1. – Мн: Харвест, 2002. 480 с.
8. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. – М.: Вече, 2006. 528 с.
9. Деникин А. И. Путь русского офицера. – М. : Издательство «Вагриус», 2002. 640 с.
10. Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 333–342.
11. Жирков Г. В. Война 1914–1918 гг. как первая мировая информационная война // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие. Владикавказ, 2015. с. 33–58.
12. Жирков Г. В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг. – Ижевск, 2015. 381 с.
13. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 387–407.
14. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 340–352.
15. Кареев Н. И. В недавнем плену у германцев // Русские записки. 1915. № 1. С. 89–103.
16. Киган Дж. Первая мировая война (пер. с англ.). – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 576 с.
17. Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 369–379.
18. Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–428.
19. Ленин В. И. Социализм и война // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. С. 307–350.
20. Майский В. Германия во время войны // Русские записки. 1915. № 1. С. 266–291.
21. Мануйлов А. А. Финансирование

- войны // Великая забытая война. – М. : Яуза; Эксмо, 2009. С. 447–488.
22. Марков О. Д. Русская армия 1914–1917. – СПб. : Издательство «Галея Принт», 2001. 160 с.
23. Мокиевский П. Вильгельм Вундт о «законной войне» // Русские записки. 1915. № 1. С. 291–299.
24. Нелипович С. Н. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. – М. : Цейхгауз, 2006. 48 с.
25. Обзор военных событий // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 379–384.
26. Олигер Н. На войне (картины и мысли) // Вестник Европы. 1916. № 6. С. 171–199.
27. Оськин М. В. Галицийская битва. Август 1914. – М. : Цейхгауз, 2006. 48 с.
28. Оськин М. В. Русский солдат в окопах Первой мировой. – М. : Вече, 2018. 368 с.
29. Оськин М. В. Штурм Карпат. Зима 1915 года. – М. : Цейхгауз, 2007. 48 с.
30. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг. В 4-х тт. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. Т. 3. Либеральный взгляд на войну : через катастрофу к возрождению / Отв. ред. С. В. Шелохаев. 543 с.
31. Покровский М. Н. Предисловие // Солдатские письма 1917 года. – М.-Л. : Государственное издательство, 1927. С. 5–14.
32. Рёль Джон К. Г. Вильгельм II Германский император (1888–1918) // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. – Ростов-на-Дону : «Феникс», 1997. С. 510–538.
33. Розенталь И. С. Образованное общество и народ // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. С. 399–423.
34. Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. – М. : Эксмо, 2009. 588 с. С. 5–179.
35. Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. 384 с.
36. Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. – М. : Современник, 1979. 559 с.
37. Сытин И. Д. Страницы пережитого // Жизнь для книги : [Сборник / Предисл. Н. Накорякова]. – М. : Книга, 1985. 416 с.
38. Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. – М. : ООО «Фирма “Издательство АСТ”»; СПб. : Terra Fantastica, 1999. 640 с.
39. Хейстингс М. Первая мировая война: Катастрофа 1914 года (пер. с англ.). – М. : Альпина нон-фикшн, 2017. 604 с.
40. Холодов В. А. Первая мировая война в восприятии населения Орловской губернии (по данным орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–1. С. 123–131.
41. Шелохаев В. В., Соловьев К. А. Российские либералы о Первой мировой войне // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 184–196.
42. Knightley Ph. The first casualty: From the Crimea to Vietnam: The War Correspondent as Hero, Propagandist and Myth Maker. – New York and London : Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 466 p.
43. The history of The Times. Vol. IV. The 150th anniversary and beyond. 1912–1948. Part I. 1912–1920. – London : Printing house square, 1952. p. 228.
44. Tompson J. Verdun og Somme. I tekst og bilder. – Carlton books, Soul Media, 2008. 66 p.
45. World war I // Encyclopaedia Britannica. Chicago-London-Toronto, 1945. Vol. 23. p. 748–792.

Vadim L. AGAPOV

Ph. D. (in History), Associate Professor, Department of Communication and Media, School of Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: agapov_vl@mail.ru

World War I and the Press. Part 1. The Experience of England, Germany, France and European Russia

UDC 94(100)«1914/19» doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-1/6-20

The article deals with the coverage of the initial stage of the First World War in the press of the main belligerent countries: Great Britain, Germany, Russia, and France. The sources are Russian journals of the war period ("Vestnik Evropy" and "Russkoye bogatstvo"), memoirs and diaries of contemporaries and participants of the war (N.N. and P. N. Wrangel, A. I. Denikin, T. L. Sukhotina-Tolstaya and others), as well as studies by Russian and foreign authors (A. F. Berezhnoy, G. V. Zhirkov, F. Knightley, M. Hastings, etc.). The main attention is drawn to the discrepancy between the real events of the war and its idealized image that was formed in the periodical press. It is concluded that one of the reasons for this, in addition to military censorship, lies in the attitudes of European and Russian political circles and intellectuals, who associated with the war hopes for the resolution of all the problems facing the society.

*World War I,
England,
Germany,
France,
Russia,
intellectuals,
propaganda,
periodical press*

For citation: Agapov V. L. World War I and the Press. Part 1. The experience of England, Germany, France and European Russia // Oriental Institute Journal. 2019. № 1. P. 6–20. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-1/6-20

References

1. Ajrapetov O. R. Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoj mirovoj vojne (1914–1917). Tom 1. 1914 god. Nachalo. – M.: Kuchkovo pole, 2014. 640 s.
2. Arsen'ev K. K. Istoricheskie paralleli // Vestnik Evropy. 1914. № 8. S. 424–428.
3. Berezhnoj A. F. Russkaya legal'naya pechat' v gody pervoj mirovoj vojny : monografiya. – L. : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1975. 152 s.
4. Buldakov V. P. Mirovaya vojna i demoralizatsiya «Svyatoj Rusi» 1914–1916 gg. // Dal'nij Vostok Rossii i strany Vostochnoj Azii nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny. – Vladivostok, 2016. S. 18–31.
5. Bukalova S. V. Pravoslavnaya pechat' o prichinakh Pervoj mirovoj vojny (po materialam «Orlovskikh eparkhial'nykh vedomostej») // Pervaya mirovaya vojna: vzglyad spustya stoletie. – M., 2011. S. 345–348.
6. Vrangel' N. N. Dni skorbi. Dnevnik 1914–1915 gg. – SPb. : ZHurnal «Neva», «Letnij sad», 2001. 320 s.
7. Vrangel' P. Zapiski. Noyabr' 1916 – noyabr' 1920 g. T. 1. – Mn: KHarvest, 2002. 480 s.
8. Golovin N. N. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne. – M.: Veche, 2006. 528 s.
9. Denikin A. I. Put' russkogo ofitsera. – M. : Izdatel'stvo «Vagrius», 2002. 640 s.
10. ZHilkin I. Provintsial'noe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. № 9. s. 333–342.
11. ZHirkov G. V. Vojna 1914–1918 gg. kak pervaya mirovaya informatsionnaya vojna // ZHurnalistika XXI veka: istoricheskij opyt i sovremennoe razvitiye. Vladikavkaz, 2015. s. 33–58.
12. ZHirkov G. V. ZHurnalistika Rossii: ot zolotogo veka do tragedii. 1900–1918 gg. – Izhevsk, 2015. 381 s.
13. Inostrannoe obozrenie // Vestnik Evropy. 1914. № 8. S. 387–407.
14. Inostrannoe obozrenie // Vestnik

Evropy. 1914. № 10. S. 340–352.

15. Kareev N. I. V nedavnem plenu u germantsev // Russkie zapiski. 1915. № 1. s. 89–103.

16. Kigan Dzh. Pervaya mirovaya vojna (per. s angl.). – M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. 576 s.

17. Kuz'min-Karavaev V. Voprosy vnutrennej zhizni // Vestnik Evropy. 1914. № 9. S. 369–379.

18. Kuz'min-Karavaev V. Voprosy vnutrennej zhizni // Vestnik Evropy. 1916. № 1. S. 412–428.

19. Lenin V. I. Sotsializm i vojna // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 26. S. 307–350.

20. Majskij V. Germaniya vo vremena vojny // Russkie zapiski. 1915. № 1. S. 266–291.

21. Manujlov A. A. Finansirovanie vojny // Velikaya zabytaya vojna. – M.: YAuz; EHksmo, 2009. S. 447–488.

22. Markov O. D. Russkaya armiya 1914–1917. – SPb.: Izdatel'stvo «Galeya Print», 2001. 160 s.

23. Mokievskij P. Vil'gel'm Vundt o «zakonnoj vojne» // Russkie zapiski. 1915. № 1. S. 291–299.

24. Nelipovich S. N. Brusilovskij proryv. Nastuplenie YUgo-Zapadnogo fronta v kampaniyu 1916 goda. – M.: TSejkhgauz, 2006. 48 s.

25. Obzor voennykh sobytij // Vestnik Evropy. 1914. № 9. S. 379–384.

26. Oliger N. Na vojne (kartiny i mysli) // Vestnik Evropy. 1916. № 6. S. 171–199.

27. Os'kin M. V. Galitsijskaya bitva. Avgust 1914. – M.: TSejkhgauz, 2006. 48 s.

28. Os'kin M. V. Russkij soldat v okopakh Pervoj mirovoj. – M.: Veche, 2018. 368 s.

29. Os'kin M. V. SHturm Karpat. Zima 1915 goda. – M.: TSejkhgauz, 2007. 48 s.

30. Pervaya mirovaya vojna v otsenke sovremennikov: vlast' i rossijskoe obshhestvo. 1914–1918 gg. V 4-kh tt. – M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2014. T. 3. Liberal'nyj vzglyad na vojnu: cherez katastrofu k vozrozhdeniyu / Otv. red. S. V. SHelokhaev. 543 s.

31. Pokrovskij M. N. Predislovie // Soldatskie pis'ma 1917 goda. – M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927. S. 5–14.

32. Ryol' Dzhon K. G. Vil'gel'm II Germanskij imperator (1888–1918) //

SHindling A., TSigler V. Kajzery. – Rostov-na-Donu: «Feniks», 1997. S. 510–538.

33. Rozental' I. S. Obrazovannoe obshhestvo i narod // Rossiya v gody Pervoj mirovoj vojny: ehkonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskij krizis. – M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2014. S. 399–423.

34. Svechin A. A. Obshhij obzor sukhoputnykh operatsij // Velikaya zabytaya vojna. – M.: EHksmo, 2009. 588 s. S. 5–179.

35. Semenov G. M. O sebe: Vospominaniya, mysli i vyvody. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. 384 s.

36. Sukhotina-Tolstaya T. L. Dnevnik. – M.: Sovremennik, 1979. 559 s.

37. Sytin I. D. Stranitsy perezhitogo // ZHizn' dlya knigi: [Sbornik / Predisl. N. Nakoryakova]. – M.: Kniga, 1985. 416 s.

38. Takman B. Pervyj blitskrig. Avgust 1914. – M.: OOO «Firma «Izdatel'stvo AST»»; SPb.: Terra Fantastica, 1999. 640 s.

39. KHejstings M. Pervaya mirovaya vojna: Katastrofa 1914 goda (per. s angl.). – M.: Al'pina non-fikshn, 2017. 604 s.

40. KHolodov V. A. Pervaya mirovaya vojna v vospriyatii naseleniya Orlovskoj gubernii (po dannym orlovskoj pressy) // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2010. № 3–1. S. 123–131.

41. SHelokhaev V. V., Solov'ev K. A. Rossijskie liberaly o Pervoj mirovoj vojne // Novejshaya istoriya Rossii. 2014. № 3 (11). S. 184–196.

42. Knightley Ph. The first casualty: From the Crimea to Vietnam: The War Correspondent as Hero, Propagandist and Myth Maker. – New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. 466 p.

43. The history of The Times. Vol. IV. The 150th anniversary and beyond. 1912–1948. Part I. 1912–1920. – London: Printing house square, 1952. p. 228.

44. Tompson J. Verdun og Somme. I tekst og bilder. – Carlton books, Soul Media, 2008. 66 p.

45. World war I // Encyclopaedia Britannica. Chicago-London-Toronto, 1945. Vol. 23. p. 748–792.